

2. Комаров, С. А. Общая теория государства и права. СПб., 2009. С. 62.

3. Явич Л. С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л., 1985. С. 191.

4. О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы. Указ Президента Российской Федерации от 01.06.2012 г. № 761 // Собрание законодательства РФ. М., 2012. С. 82.

5. Правоведение: учебник для студентов вузов неюрид. профиля / под ред. С. С. Маиляна, Н. И. Косяковой. М., 2009. С. 57.

6. Там же. С. 88.

7. Аминов, И. И. Юридическая психология: учебник для вузов. М., 2011. С. 29.

8. Кунев, А. Н. Законность и правовая культура в условиях становления правового государства автореф. дис. ... канд. пед. наук М., 2011. С. 123.

D. A. BASHIROV. SCIENTIFIC BASES OF FORMATION OF LEGAL CULTURE OF YOUNG PEOPLE IN THE LIBRARY AND INFORMATION FIELD

In the article raises the question of studying and revealing the specifics of formation of legal culture of young people in the institutions of modern society, including the library of the Institute, defined the content and limits of this notion. The author analyzes term system of legal culture identity in modern science, approaches to the study of the domestic library science.

Key words: *personality legal culture, legal socialization, legal education, information and library space.*

Н. Н. СЕРОВА

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОЙ РОССИИ

В статье анализируется феномен молодежной субкультуры постперестроечной России. Автор раскрывает особенности формирования идентичности российской молодежи в условиях кризиса социокультурной идентичности постсоветского общества.

Ключевые слова: *субкультура, кризис идентичности, молодежь, социокультурная трансформация.*

Кризис социокультурной идентичности и дискретность субкультур молодежи постперестроечной России сопровождалась потерей мировоззренческих ценностей и поиском самоидентификации. Рассматривая совокупность обстоятельств, связанных с дискретностью субкультур, а также дефицит методологических подходов к концептуализации поведенческих кодов молодежи, можно сделать вывод о необходимости исследования социокультурных и институциональных основ трансформации поведения российской молодежи в постперестроечную эпоху [1].

Процессы глобализации, серия социальных реформ, получившая на Западе название «кейнсианской революции» позволили развитому обществу содержать миллионы индивидов, не участвующих в процессе материального производства. Новая культура заявила о себе как культура андеграунда, наделенного огромным количеством свободного времени. Именно особая социальная, культурная и психологическая ситуация «общества потребления» создает и в настоящее время андеграунд, а не «знак» и «символ», как следует из структуралистской концепции Т. Б. Щепанской. Знаки и символы успешно продаются масс-медиа, их широко использует шоу-бизнес, но сам андеграунд продолжает существовать в оппозиции рынку и шоу-бизнесу. Новые социально-культурные ценности и движения могли создать только люди, выпавшие

из господствующих форм социальных связей – в истории примеров тому множество: от сект ранних христиан до футуристических сообществ. Трансформации социальных ценностей и эволюцию рыночного спроса быстро понял шоу-бизнес и предоставил в пользование творцов новой культуры общемировую коммуникацию. Неприятие социального мира исходило не из неудовлетворенной материальной потребности, а от осознанной неудовлетворенности потребности в осмысленном существовании. Ощущение и осознание утраты смысла жизни стало особым образом жизни, где сиюминутность и спонтанность стали наивысшей ценностью. Выражением жизненного опыта стало новое искусство, как специфическая форма самовыражения. «Контркультура» как творческая мастерская молодежи переосмысливала и трансформировала сами первоэлементы художественного творчества, проецируя новую реальность и единое культурное поле. Эстетическим канонам массовой культуры становится китч. Предельно обостряя ощущение бесчеловечной социальной реальности, культурное поле выходило за заведомо заданные рамки, «полет над гнездом кукушки», по выражению Кена Кизи. Содержание спонтанного самовыражения определялось отказом от социальных установок и стереотипов. Полем битвы и бунта стало индивидуальное сознание. Следствием этого процесса было изменение организации

социальных связей, их структурная перестройка, предполагающая столкновение разных картин мира. Социальный конфликт не классовый, а конфликт между поколениями. За «восстанием масс» (Х. Ортега-и-Гассет) последовало «восстание детей». Эта возрастная феноменология и провоцировала мнение, что культура андеграунда только «молодежная субкультура».

Дезинтеграция единого в своей идеологической заданности советского пространства, уникального в своем роде такого социально-идеологического конструкта, как «советский народ», служившего ключевым фактором мобилизационного развития огромного государства, привело к поискам новых критериев коллективной идентичности и выработке национальной стратегии. С крахом советской модели развития культурная политика государства перестала быть ключевым механизмом формирования и конструирования идентичности. Кроме этого, началось разложение самого государства, в результате чего изменились его границы. Упразднение графы «национальность» в паспортах российских граждан легитимизировало новые критерии национальной идентификации.

Но на волне социокультурной аномии (термин, введенный Э. Дюрк-геймом в 1897 году и обозначающий утрату индивидом чувства идентификации с его культурной группой; с 1938-го Мертон использовал эту концепцию для объяснения отклоняющегося поведения), последовавшей за исчезновением советского идентификационного пространства, в российской действительности всплыли идеологически оформленные радикальные националистические и экстремистские организации. Современная этноидентичность требует своего осмысления и понимания.

Опыт рассмотрения идентичности как социокультурного феномена был впервые предпринят в 60-е годы XX века на стыке социологии и психологии американским социальным психологом Э. Эриксоном, который в своей первой программной работе «Идентичность: юность и кризис» предложил развернутое теоретическое обоснование социально-психологической концепции [2]. Идеи ученого (в частности, выделение социальной идентичности) получили дальнейшее развитие в многочисленных современных теориях идентичности, анализу которых посвящено весьма интересное исследование М. В. Заковоротной [3]. Она убеждена, что в современных теоретических построениях идентичность признается изменяющейся (процессуальной) структурой, развивающейся на протяжении всей индивидуальной / коллективной жизни и зависящей от социокультурного контекста. М. В. Заковоротная, суммируя результаты зарубежных и отечественных исследований феномена идентичности, отмечает, что структурное строение идентичности определяется как единство целевого, содержательного и оценочного компонентов. Кроме того, общим местом

можно считать выделение личностного и социального аспектов идентичности, причем в большинстве современных теорий личностный аспект признается вторичным по отношению к социальному. С чем можно не согласиться.

Изучение идентичности является достаточно традиционным для социологии и политологии явлением. В современной социальной психологии одной из приоритетных считается именно проблема социальной идентичности, исследователи которой (Г. М. Андреева, П. М. Лебедева, З. В. Сикевич, Т. Г. Стефаненко, В. Ю. Хотинец, В. А. Ядов и др.) рассматривают ее как обусловленный социокультурным контекстом динамический компонент личности (И. С. Кон, А. Н. Леонтьев, Э. Фромм, Э. Эриксон и др.), подверженный перманентному состоянию кризиса (Н. Л. Иванова, Г. У. Солдатова, И. В. Татаренко, Н. Н. Федотова, В. Л. Хеслеб и др.). Одной из «ипостасей» социальной идентичности признается идентичность национальная.

Национальная идентичность определяется как социально-психологический и социокультурный феномен, предполагающий сознательное самоопределение личности на основе осмысления и переживания своей принадлежности к нации в зависимости от того, что считается нацией в данном социокультурном контексте. В российском проекте имперской идентичности были выделены два компонента: локальный (этнокультурный) и универсальный (государственный), историческое взаимодействие которых закончилось кризисом имперской идентичности – нарушением баланса локального и универсального в сторону ее локального компонента. Однако территориальная (региональная) идентичность долгое время оставалась практически вне поля зрения экономистов и географов. Приведем пример явной недооценки роли территориальных факторов: «Мир повседневной жизни имеет пространственную и временную структуры. Пространственная структура здесь нас мало интересует. Достаточно сказать лишь то, что она имеет социальное измерение благодаря тому факту, что зона моих манипуляций пересекается с зоной манипуляций других людей. Гораздо важнее для нашей цели временная структура» [4].

Причинами кризиса советской социокультурной идентичности в России, по мнению В. Хесле, стали «отрицание символов, распад коллективной памяти, представленной традициями, а также утрата веры в общее будущее, дисгармония между описательным и нормативным образами себя, прерывность в истории, несоответствие между представлением культуры о самой себе и ее образами в других культурах, наконец, чувство неполноценности относительно более совершенной культуры» [5]. Совершенно очевиден научный факт – идентичность (индивидуальная, коллективная, социальная, политическая, культурная) не является статичной, она всегда подвержена изменениям, это

ее нормальное состояние. Следовательно, кризисы идентичности неизбежны, более того, для прогресса и развития они необходимы, конечно, желательно иметь способность ими управлять. Первым результатом кризиса идентичности является непредсказуемость поведения затронутых индивидов или институтов. Ценности, которые раньше направляли их действия, устаревают, реакция на новую ситуацию может быть пассивной или активной. В. Хесле утверждает, что кризис идентичности часто вызывает регрессию к более примитивным ценностям. Дезориентация, характерная для любого кризиса идентичности, увеличивает шансы на успех тоталитарных идеологий.

Трансформации массового молодежного сознания постсоветского общества связаны с неустойчивостью мировоззренческих ценностей и ситуацией, в которой российское общество 90-х годов XX столетия испытывало кризис социокультурной идентичности. Можно утверждать, что разрушение ценностного центра, идеологии и культуры социалистического мира, с одной стороны, а с другой, новая форма индивидуализирующегося общества позволили выстроить молодежи стратегию жизни личности, свободной от религиозных, групповых, институциональных рамок, и открыто реализовать свои художественно-идеологические программы в субкультурном пространстве. Глобализация [6], и ее последствия, смешение различных культур, новые традиции постмодернистского искусства и ценностные модели субкультур оказали доминирующее влияние на появление новых социальных общностей и художественных направлений времени. Это позволило молодежи, как наиболее мобильной социальной группе, отказаться от спатальной и выстроить темпоральную стратегию жизни [7], где степень отсутствия мобильности является признаком социального бесправия и несвободы [8].

Столкнувшись с явлением индивидуализирующегося общества [9], российское общество постсоветского пространства оказалось в новых условиях, лишившись значимых социальных ориентиров. В современных диссертационных исследованиях М. Б. Маринова [7] и С. А. Пахоменко [10] обосновано положение, что реальные модели поведения населения России детерминированы цивилизационными процессами и ситуацией трансформационного общества. Трансформационное общество является не просто обществом перехода к демократическим институтам самоорганизации, а социальной организацией, в которой доминируют тенденции отвержения старого и отсутствуют общеприемлемые, консолидирующие модели

будущего. Механизм межпоколенной передачи традиционных ценностей потерян в процессе аномии, кризисного периода в развитии общества 90-х XX века, что подтверждается делинквентной социализацией и противоправным поведением агрессивных группировок экстремистской направленности. Молодежные субкультуры явились феноменом трансформационного общества вследствие кризиса социокультурной идентичности и поиска молодежью собственной стратегии жизни с социальнозначимыми основаниями. Главная задача ведущих политиков, в современных условиях, не только осуществление контроля над кризисами идентичности, направление их в правильное русло, но и участие в построении новой рациональной идентичности основанной на общечеловеческих ценностях и гуманных принципах [11].

Все вышеизложенное важно для понимания особенностей формирования социокультурной идентичности российской молодежи и феномена субкультур постперестроечной России.

Литература

1. Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. М. 2000.
2. Эрикссон Э. Идентичность: Юность и кризис. М., 1996.
3. Заковоротная М. В. Идентичность человека: Социально-философские аспекты. Ростов н/Д, 1999.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. 1995. С. 49.
5. Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112–123.
6. Борисов Б. П. Головой в омут. Суицидальное бунтарство – хронический спутник (или раковая опухоль) глобализации // Казачье самообразование. 2007. № 5. С. 3–61.
7. Маринов М. Б. Стратегия жизни личности в индивидуализирующемся обществе: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2008.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. 1995. С. 49.
9. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005. С. 316.
10. Пахоменко С. А. Трансформация политического поведения российской молодежи в условиях кризиса социокультурной идентичности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2007.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2011. С. 12–15.

N. N. SEROVA. SOCIAL MOBILITY AND CULTURE YOUTH POSTREORGANIZATION RUSSIA

Article analyzes the phenomenon of youth subculture of post-perestroika Russia. The author reveals the peculiarities of the Russian youth in the identity crisis of socio-cultural identity of the post-Soviet society.

Key words: subculture, identity crisis, youth, social and cultural transformation.